

Проблема одиночества в романе Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи»

О. П. Родионова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Родионова О. П. Проблема одиночества в романе Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи» // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. Вып. 1. С. 75–91. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2018.107>

Рассматривается тема общения и одиночества в романе китайского писателя Лю Чжэньюня (р. 1958) «Одно слово стоит тысячи» (2009). В этом произведении Лю Чжэньюнь подробно описывает чувства маленьких людей, находящихся в бесконечном поиске душевной опоры. Текст романа позволяет определить специфику китайского одиночества, связанную с культурными и этнопсихологическими особенностями китайской нации. Можно утверждать, что проблема одиночества получила в романе «Одно слово стоит тысячи» всестороннее освещение, носит стержневой и сюжетообразующий характер. Внимание писателя к этому вопросу не только обусловлено его личным интересом, но и является развитием темы, с древности присутствовавшей в китайской литературе и по-новому зазвучавшей в конце XX — начале XXI в.

Ключевые слова: Лю Чжэньюнь, *Одно слово стоит тысячи*, одиночество.

В конце XX — начале XXI в. заметное место на литературной арене Китая занял писатель Лю Чжэньюнь (刘震云, р. 1958), чьи книги издаются миллионными тиражами и привлекают внимание как читательской публики, так и литературной критики. Выпускник Пекинского университета, в конце 1980-х годов он прославился как один из основоположников китайского неореализма. В 1990-е годы писатель творил в историческом жанре, а в 2000-е заслужил себе славу мастера сатирической литературы. Его трагикомический роман «Мобильник» («手机», 2003), ироничный детектив «Меня зовут Лю Юэцзинь» («我叫刘跃进», 2007) и сатирический роман «Я не Пань Цзиньянь» («我不是潘金莲», 2012) были экранизированы и обрели многочисленных поклонников как среди читателей, так и среди зрителей. В марте 2009 г. в Китае вышел знаковый роман Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи» («一句顶一万句»), над которым писатель работал в течение трех лет и в котором его юмористический дар проявился в новой плоскости. В 2011 г. это произведение удостоилось главной литературной награды Китая — премии имени Мао Дуня. Вместе с Лю Чжэньюнем эту премию в обозначенный год получили Мо Янь, Би Фэйюй, Чжан Вэй и Лю Синлун. В русском переводе книга вышла в 2017 г.

Любопытно заметить, что на манжете первого китайского издания романа Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи» красовались четыре иероглифа — «千年孤独», что означает «Тысяча лет одиночества». Нетрудно догадаться, что такой ход был сделан издателями для того, чтобы вызвать у китайского читателя ассоциации

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

с названием известного романа колумбийского писателя Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Впрочем, сам Лю Чжэньюнь не одобряет такого рода рекламу: во-первых, слово «одиночество» ему кажется достаточно затертым и не способным пробуждать соответствующие чувства [1]. Неслучайно в оригинальном тексте романа «Одно слово стоит тысячи», насчитывающем 365 тысяч иероглифов, ни разу не встречается иероглиф, означающий слово «одиночество». Между тем в небольшом, на две страницы, предисловии Ань Бошуня к этому роману, слово «одиночество» упоминается семь раз! [2, б.с.]. Во-вторых, судя по интервью, Лю Чжэньюнь не хотел вызывать лишних разговоров о слепом подражании роману Гарсиа Маркеса [1]. Как бы то ни было, книга Лю Чжэньюня действительно поднимает проблему одиночества и человеческого общения. В Китае с его огромным населением такая проблема, на первый взгляд, кажется абсурдной, тем не менее здесь как нельзя лучше подходит цитата польского писателя XX в. С. Е. Леца: «Одиночество, как ты перенаселено!» Вопрос нехватки общения и одиночества, являясь общечеловеческим, не раз поднимался писателями самых разных стран. В китайской литературе эта тема, можно сказать, является традиционной. Как отмечает китайский исследователь Чжан Сяоцин, она поднималась еще со времен древнейшего памятника «Книга песен», позже получив яркое выражение в творчестве «семи мудрецов из Бамбуковой Роши» (философов-даосов, писателей и музыкантов III в.) и поэтов Танской эпохи Чжан Жосюя, Ли Бо, Чэнь Цзыана. Из писателей новой китайской литературы Чжан Сяоцин выделяет сборник Лу Синя «Блуждания» (1926) и сборник Юй Дафу «Омут» (1921) (см. подробнее: [3, с. 45–46]). В творчестве самого Лю Чжэньюня данная тема также не нова, достаточно ярко она проявилась в таких его романах, как «Пустая болтовня» (2002) и «Мобильник» (2003). И в том и в другом романе писатель «изучает тревоги и беспокойства, порождаемые разговором и слушанием» [4, с. 48]. Но роман «Одно слово стоит тысячи» стал апофеозом в описании одиночества по-китайски. В 2010 г. Лю Чжэньюнь оценивал этот роман как лучший среди своих произведений, написанных на тот момент. По его словам, это именно та книга, которую ему хотелось бы подарить людям [5].

Стоит отметить, что, в отличие от предыдущих произведений, в этом романе Лю Чжэньюнь полностью отошел от социально-исторического контекста. В романе, действие которого простирается на семьдесят лет, отсутствуют не только описания, но и просто упоминания войны с Японией, «большого скачка», «культурной революции», «политики реформ и открытости». Благодаря этому, а также оригинальному авторскому взгляду, который рассматривает все и вся исключительно через призму человеческого общения, это произведение становится вневременным. Не зря китайская критика дала ему иносказательное название «Тысяча лет одиночества». Поскольку с этих позиций роман «Одно слово стоит тысячи» может представлять собой вневременную летопись одиночества по-китайски, необходимо рассмотреть целый ряд вопросов, касающихся простой, но серьезной темы человеческого общения в Китае: что именно сближает людей, что их отталкивает друг от друга, как избавиться от одиночества, каковы роль общения людей в обычной жизни и причины и особенности одиночества у простых китайцев, существуют ли этнопсихологические предпосылки для одиночества.

Согласно замыслу Лю Чжэньюня, роман «Одно слово стоит тысячи» состоит из двух частей: «Покидая Яньцзинь» и «Возвращаясь в Яньцзинь». Здесь стоит

уточнить, что уезд Яньцзинь является родиной писателя и находится в центрально-китайской провинции Хэнань, которая занимает третье место по количеству населения среди провинций Китая. Действие первой части происходит в 1930-е годы. Ее главный герой, У Моси, случайно теряет свою пятилетнюю приемную дочь, которая была для него единственной родственной душой, и бежит из Яньцзиня в провинцию Шэньси, чтобы начать новую жизнь. Действие второй части происходит уже во второй половине и в конце XX в. Ее главный герой, Ню Айго, живет в провинции Шаньси и является сыном той самой приемной дочери У Моси. Из рассказов матери Ню Айго узнает о сходствах своей судьбы и судьбы своего деда У Моси. Позже, когда и мать Ню Айго, и его дед У Моси, так больше и не встретившись за всю жизнь, умирают, у Ню Айго появляется навязчивое желание, с одной стороны, разгадать загадку своего одиночества, а с другой — убежать от него, в результате чего он отправляется в Яньцзинь.

Мытарства главных героев, связующим звеном которых стала приемная дочь У Моси, она же мать Ню Айго, удивительным образом повторяются. Похожая ситуация происходит и в романе «Сто лет одиночества», в котором целым шести поколениям предначертана одна и та же судьба. В предисловии Ань Бошуня к роману «Одно слово стоит тысячи» отмечается, что героев романа Лю Чжэньюня, словно тень, преследуют душевная усталость, растерянность и внутреннее разрушение. Всю жизнь они проводят в поиске либо в одиночестве. Этот роман открывает глаза на то, почему китайцы живут с ощущением усталости. «Такого рода усталость, словно затянувшаяся ночь, из поколения в поколение подтачивает нашу психику» [2, б.с.]. Такое же мнение высказал и профессор Нанкинского педагогического университета Ма Сюэюн. По его словам, «поиск превращается в человеческую сущность. Что касается этой сущности, писатель отнюдь не идеализирует ее... вместо этого он подчеркивает ее безысходность и пустоту» [6, с. 212]. В этой связи также можно вспомнить роман нобелевского лауреата Мо Яня «Устал родиться и умирать» (2006), название которого также пронизано настроением общего утомления как от жизни, так и от смерти. Возвращаясь к роману «Одно слово стоит тысячи», будет не лишним добавить, что Лю Чжэньюнь, пытаясь разобраться в проблемах китайского общения и одиночества, видит причину в генофонде, который определяет стереотипы поведения и психофизиологические особенности китайской нации, что в конечном счете ложится в основу национального характера (см. подробнее: [7, с. 18]).

На страницах романа «Одно слово стоит тысячи» сосуществуют и общаются друг с другом достаточно много персонажей. По нашим подсчетам, в первую часть писатель поместил около ста сорока героев, а во вторую — около восьмидесяти. В подавляющем большинстве случаев писатель, вводя в роман нового персонажа, кроме внешних особенностей обязательно отмечает степень его красноречия/косноязычия; разговорчивости/молчаливости. Технически это выражается в таких бесхитростных характеристиках, как «любил/а разговаривать» либо «не любил/а разговаривать» (爱说话 / 不爱说话). В результате эти выражения Лю Чжэньюнь употребляет в оригинальном китайском тексте 67 раз. Для наглядности приведем примеры.

«Лао Хэ зачесывал волосы на пробор и любил почесать языком» [8, с. 72]; «Ли Цзиньлун и его отец Лао Ли по характеру отличались, Лао Ли любил поговорить,

а Ли Цзиньлун — нет. Когда они проводили время вместе, говорил всегда отец, а сын просто слушал. Если случалось, что Лао Ли вдруг замолкал, то Ли Цзиньлун молчанием не тяготился, даже согласие или несогласие выражал обычным кивком или мотанием головы. Когда Лао Цинь общался с другими людьми, то всегда их выводил на разговор, а сам слушал» [8, с. 77]; «Лао Цзян отличался худобой и орлиным носом. В молодости, занимаясь скупкой и перепродажей чая, он любил поговорить. От Яньцзиня до провинций Цзянсу и Чжэцзян все чаоторговцы знали любителя поболтать Лао Цзяна с орлиным носом. Однако, перевалив пятидесятилетний рубеж, Лао Цзян вдруг *разлюбил разговаривать*» [8, с. 99].

Торговцы у Лю Чжэньюня не всегда разговорчивы, что подтверждает следующий пример: «Торговцы-коробейники, по сути, должны *любить разговаривать*, но Лао Дин за день вряд ли произносил с десяток фраз. Когда в какой-нибудь деревне его спрашивали, сколько стоит соль, сода, чай, табак или швейные принадлежности, он просто рисовал цену пальцем в воздухе» [8, с. 237]. Зато другой персонаж, чье занятие, казалось бы, не располагает к общению, напротив, тяготеет молчанием: «Лао Хань был земледельцем. День-деньской он общался со скотом да посевами и, по сути, вообще не должен был *любить разговаривать*, но он не мог прожить дня, чтобы не произнести нескольких тысяч слов. Поскольку земледелие к общению все-таки не располагало, Лао Хань, выходя на досуге в люди, хотя бы на пару слов приставал к каждому встречному» [8, с. 237].

Что касается управленцев, то здесь симпатии автора явно на стороне тех, кто разглагольствовать не любит. Вот как он описывает двух персонажей из среды чиновничества: «Прибывший в Яньцзинь Лао Ши разительно отличался от Сяо Ханя: он *не любил разговаривать*, да и учебные заведения его не интересовали. Своим характером он походил на Лао Фэя, который обходился десятью фразами в день. Но хотя сам он *разговаривать не любил*, он с удовольствием слушал других, и этим отличался от губернатора» [8, с. 110]; «новый премьер Хуянь, как и бывший начальник Яньцзиня Сяо Хань, *любил поговорить*. Едва он открывал рот, все лицо его оживлялось, он начинал рьяно, точно работал вилами, размахивать руками. При этом в разговоре ему нравилась обстоятельность, он начинал с первого и заканчивал десятым пунктом, вещая по полдня без всякой передышки. По мнению Хуяня, чтобы лампа засветила, ее требовалось зажечь, а чтобы появилась ясность в разговоре, следовало все обговорить досконально» [8, с. 149].

У писателя нет четкой позиции, сколько должен говорить человек. Иногда в романе проскальзывает фраза о том, что чем меньше человек говорит, тем лучше, потом приводится прямо противоположная мысль. Вот как описывается общение начальника уезда Сяо Ханя с губернатором провинции Лао Фэем, который приехал к нему с инспекцией: «Лао Фэй был родом из провинции Фуцзянь, отец его отроду был немым. По этой самой причине в семье Лао Фэя говорили очень мало, со временем это настолько вошло в привычку, что Лао Фэй и сам вырос немногословным. Он считал, что для ежедневного общения вполне достаточно десяти самых необходимых фраз. Однако, приехав в уезд Яньцзинь, Лао Фэй за целый день вообще не произнес ни одной фразы, зато Сяо Хань за это время наговорил три тысячи с лишним» [8, с. 51]. Тут же губернатор Лао Фэй, критикуя не в меру разговорчивого начальника уезда, замечает: «А подходит ли он со своим бахвальским красноречием на роль начальника уезда? Управлять державою не сложнее, чем жарить рыбешку.

Похвально, когда за пятьдесят лет человек придерживается какой-нибудь одной фразы» [8, с. 51].

Описывая неудачи косноязычного учителя частной школы, автор замечает: «Вполне возможно, что внутри него имелся целый кладезь знаний, однако вытащить их из него было так же сложно, как сваренные в чайнике пельмени» [8, с. 25]. Тем не менее, как бы оправдываясь, учитель говорит: «Много говорят болтуны, а мудрецы молчаливы» [8, с. 25]. В то же время, рассказывая о несчастливой любви одной из героинь, писатель, описывая ее жениха, замечает: «То, что Сяо Чжан был неразговорчив и любил смеяться, она принимала как доказательство его надежности. А тут оказалось, что эти качества присущи подлецам» [8, с. 213].

Есть герои, у которых количество произносимых фраз зависит от конкретной ситуации. Например, мастер серебряных дел Лао Гао описывается так: «Пока Лао Гао что-нибудь мастерил, ему нравилось разговаривать с клиентами. А вот когда он сидел без дела, то рот его, наоборот, не открывался. Со своими клиентами он разговаривал отнюдь не о серебряных украшениях, а о всяких уличных происшествиях. Разговоры о людях помогали ему скрашивать собственное одиночество. Говорил Лао Гао медленно, выдерживая паузы, и пусть речь его была не громкой, каждая фраза звучала как довод. И какой бы запутанной ни казалась история, Лао Гао мог ее распутать по ниточке, после чего все четко разложить по полочкам... Чаще всего Лао Гао произносил три фразы... Первая его фраза была: “Легко сказать, да трудно сделать”. Вторая — “Такое не поддается никакой критике”. И третья — “Если требуется мое мнение, то здесь с самого начала следовало поступить иначе”» [8, с. 170–171]. Как бы то ни было, ценность фраз писатель измеряет не количеством, а качеством, и здесь у Лю Чжэньюня имеются весьма понятные критерии, о которых будет сказано ниже.

Вне зависимости от того, любят или не любят герои романа разговаривать, у каждого из них непременно имеется свой круг общения. Остановимся подробнее на том, с кем и как общаются главные герои романа. Как упоминалось выше, главным героем первой части является У Моси. Тут же следует оговориться, что за свою жизнь он поменял свое имя четыре раза, побывав Ян Байшунем, Ян Моси, У Моси и Ло Чанли. Для удобства будем называть его У Моси. В круг семейных отношений У Моси до его женитьбы входят его отец, а также старший и младший братья. Кроме семейных отношений, можно выделить общение У Моси с различными наставниками. В наставниках У Моси побывали учитель в частной школе, забойщик свиней, хозяин красильни, хозяин бамбуковой артели и даже итальянский священник, проповедующий в Яньцзине. Когда У Моси обзавелся собственной семьей, в круг его общения вошли супруга У Сянсян и ее дочь Цяолин. Наконец, в отдельную категорию можно выделить остальных знакомых и приятелей У Моси. Отметим, что один из его душевных друзей впоследствии оказался любовником его жены, а другой — торговцем живым товаром, который украл у него приемную дочь.

Точно так же рассмотрим круг общения Нью Айго — главного героя второй части романа. Собственно, уже первое предложение второй части звучит так: «В свои тридцать пять лет Нью Айго знал, что в случае неприятностей он может довериться трем людям». Эти трое относятся к категории близких друзей Нью Айго, которых он обрел в разные периоды жизни. Один — одноклассник, второй — сослуживец по армии, а третий — просто повар со стройплощадки, на которой одно время под-

рабатывал Нью Айго. Кроме них у Нью Айго имеются и другие приятели из числа одноклассников, сослуживцев и случайных знакомых. В узком семейном кругу Нью Айго числятся его мать, сестра и два брата. После женитьбы в круг общения Нью Айго добавляются супруга и дочь. Как и в случае У Моси, брак Нью Айго разрушается третьим лицом. Однако, в отличие от У Моси, Нью Айго, как и его жена, заводит связи на стороне, таким образом в его круг общения входит еще и любовница.

Как видим, общение главных героев достаточно разнообразно. То же самое можно сказать и о характере их взаимоотношений с разными людьми. Попутно добавим, что, помимо общения У Моси и Нью Айго с перечисленными выше категориями людей, писатель создает густую сеть контактов между собой остальных персонажей. В этом смысле роман изобилует диалогами и размышлениями. Но, как известно, общение бывает разным. Найти людей не проблема, проблема — встретить задушевного собеседника. И тут писатель также предлагает весьма простой критерий для оценки общения по душам. Характеризуя разговоры людей друг с другом, он вводит такие выражения, как «уметь находить общий язык / не уметь находить общего языка» (说得着 / 说不着). Как замечает Лю Чжэньюнь, «трудно сойтись людям, еще труднее сойтись словам» [5]. Приведенные выше характеристики появляются на страницах романа пятьдесят раз. Как уже отмечалось, писатель сплел очень густую сеть общения, при этом в характере человеческих отношений видны некоторые закономерности. Так, родители и дети в романе чаще всего не находят общего языка. Не складываются отношения у продавца доуфу Лао Яна с сыновьями, поэтому У Моси, средний сын Лао Яна, из-за ненависти к отцу, который то и дело его унижал и бил, сбежал из родного дома. Точно так же не находит общего языка с отцом Ли Кэчжи, приятель Нью Айго. На какое-то время обстоятельства заставили того покинуть отчий дом, но когда появилась возможность возвратиться, он этого делать не стал: «Ли Кэчжи, который с детства не ладил с отцом, возвращаться не захотел и остался в семье у тетки» [8, с. 280].

Повествуя о детстве матери Нью Айго, которая после похищения и продажи в новую семью носила имя Гайсинь, Лю Чжэньюнь весьма наглядно описывает домашнюю обстановку в ее семье:

До тринадцати лет Гайсинь спорить с матерью не решалась, поскольку та ее сразу била. Мать Гайсинь, она же жена Лао Цао, была женщиной высокой и крепкой, поэтому если она ругала Гайсинь, та с ней не спорила... Едва девочка пыталась что-то возразить, ей тут же доставалось. Но когда Гайсинь исполнилось тринадцать, она почти сравнялась с матерью. Гайсинь тоже росла высокой. И теперь, когда мать начинала ее ругать, она стала огрызаться. Ее мать не то, чтобы боялась ударить дочь или не могла этого сделать, просто едва она поднимала на нее руку, та бежала к колодцу, чтобы утопиться. Такое поведение, естественно, пугало мать, поэтому рук она больше не распускала, но скандалы в их доме не прекращались. Сначала Гайсинь в этих скандалах проигрывала, но поскольку она, в отличие от неграмотной матери, ходила в школу, то со временем верх в спорах стала одерживать Гайсинь. Пока мать и дочь ругались, отец Лао Цао сидел на корточках и молча курил трубку [8, с. 251].

По цепочке эти отношения копируются следующим поколением, и теперь уже отношения не складываются у матери Нью Айго с ее собственными детьми: «Едва мать сердилась, она тут же начинала бить детей, даже, правильнее сказать, не бить, а хватать их своими ногтями, она хватала их за лицо, за руки, за ноги, в общем

за то, что ей попадалось под руку. Выплескивая свою злобу, она приговаривала: «Терпи, не реви!» [8, с. 268]. Когда Нью Айго открывает своей старшей сестре свои планы на ближайшее будущее, та прямо замечает: «Я знаю, почему тебе хочется в армию, служба тут ни при чем, тебе просто опротивел дом родной, а конкретнее — родители» [8, с. 215]. Говоря в целом об отношениях в среде родственников, автор в уста одного из героев вкладывает такую фразу: «В нашей жизни вся морока от родственников. Для совместной работы лучше нанимать кого угодно, только не родственников» [8, с. 295].

Отдельного внимания заслуживает тема брака. В подавляющем большинстве случаев жены в романе чересчур говорливы, соответственно, они и верховодят, в то время как их немногословные мужья стараются им не перечить. Про общий язык здесь говорить не приходится. Вот как чаще всего Лю Чжэньюнь изображает картину семейных отношений: «В детских воспоминаниях Нью Айго его отец Нью Шудао говорить не любил, а вот мать Цао Цингэ выступала по любому поводу. Всеми домашними делами, и большими, и малыми, в доме заправляла она, а отец обычно сидел в сторонке, курил и помалкивал» [8, с. 268]. Или такой пример: «Если в армии Ду Цинхай любил поговорить, то теперь он все больше молчал. Зато у его жены Лао Хуан рот не закрывался. Пока они обедали, за столом говорила только Лао Хуан, а Ду Цинхай зарылся в свою тарелку и только поддакивал... Во время ужина за столом тоже говорила только Лао Хуан, а Ду Цинхай по-прежнему лишь поддакивал. Правá она была или нет, он ей ни в чем не возражал» [8, с. 221].

Показателен следующий пассаж, в котором другой косноязычный супруг в целом доволен своим подкаблучным положением:

Лао Чжу отличалась вспыльчивым нравом и последнее слово оставляла за собой. Так что Сун Цзефан у себя дома не мог исполнять роль хозяина. Другие мужчины в подобной ситуации затаили бы недовольство, а Сун Цзефана такая ситуация вполне устраивала, поскольку в таком случае ему не требовалось разговаривать. Всеми домашними делами, начиная от постройки дома, женитьбы обоих сыновей и заканчивая покупкой кувшинов для засолки утиных яиц, выбором этих кувшинов и определением количества яиц, заведовала Лао Чжу. Иной раз, когда Лао Чжу все-таки не могла принять решения сама, она приходила за советом к Сун Цзефану. Тот от напряжения покрывался пятнами и выдавливал из себя: «С чего бы лучше начать?» Или: «Лао Чжу, а ты сама что думаешь?» Тогда Лао Чжу принималась думать сама и через какое-то время обращалась к Сун Цзефану снова. А Сун Цзефан снова ее спрашивал: «Лао Чжу, а ты сама что думаешь?» Лао Чжу снова принималась искать решение. Спустя несколько таких заходов, решение у нее все-таки находилось, но она всегда недовольно восклицала: «Чем же я раньше так провинилась, что мне досталось такое чудо в перьях?» Или: «У меня такое ощущение, что я живу не с тобой, а сама с собой». Сун Цзефан только смеялся и, ни слова не говоря, выполнял то, что ему говорили [8, с. 325].

Похожие отношения царят в семье другой пары: «Ее отец тоже был молчуном, а вот мать считалась болтушкой. Отец за целый день произносил не больше десяти фраз, зато мать таких фраз произносила около тысячи. Но разговорчивость — это еще не показатель того, что можно верховодить, здесь главное — уметь сказать что-то дельное. Однако проблема состояла в том, что отец У Сянсян не только говорил мало, так еще и не умел сказать что-то дельное. Зато ее мать говорила так много, что несчастные десять фраз отца утопали в потоке ее слов независимо от того, го-

ворила она что-то дельное или нет. Поэтому всякий в деревне Уцзячжуан знал, что в их семье всем заправляет жена, а ее муж значит не больше, чем предмет мебели» [8, с. 161].

Иной характер отношений складывается у главного героя Нью Айго с его супругой Пан Лина. В отличие от других пар, они оба не были любителями разговаривать. Собственно, по этой причине они и сошлись, считая, что подходят друг другу. Уже потом, пытаясь спасти свой брак, Нью Айго начинает намеренно искать с супругой общий язык, но заходит в тупик, потому что между ними отсутствует главный компонент — душевное единение. Приведем пример из текста.

Спустя несколько лет Нью Айго понял, что ему сложно подбирать слова для разговоров и говорить что-то приятное. Иначе говоря, подбирать слова в их отсутствие уже дело непростое, а намеренно подбирать приятные слова еще сложнее. Если людям изначально нечего сказать друг другу, то намеренно найденные слова выглядят неубедительно. Если общения не получается, то не имеет значения, каких слов недостает, плохих или хороших. Если не находятся плохие слова, это отнюдь не означает, что найдутся хорошие. Если душевно люди отдалены друг от друга, то одну и ту же фразу они могут истолковать по-разному. К примеру, если ты думаешь, что говоришь что-то приятное, с ее стороны это не обязательно будет истолковано так же. К тому же, где взять столько приятных слов? Если каждый день придумывать сладкие речи, то голова треснет. Да и нет никакой гарантии, что с таким трудом придуманная фраза попадет в самое сердце и возымеет свое действие. Чем больше говорилось приятных слов, тем фальшивее они звучали. Сначала еще ничего, но при ежедневном повторении они могли доконать кого угодно. Тут уже приятные слова превращались в неприятные. Раньше, когда им обоим было нечего сказать, они могли просто наслаждаться тишиной, но сейчас, когда Нью Айго день-деньской старался сказать что-то приятное, Пан Лина уже не знала, куда от него деваться. Едва Нью Айго открывал рот, пусть даже он хотел просто что-то спросить, Пан Лина тут же закрывала свои уши и умоляла: «Прошу тебя, замолчи, меня уже воротит от всех твоих слов». Или: «Нью Айго, какой же ты жестокий тип, из-за тебя я теперь вообще не переносу приятных слов» [8, с. 274].

Как видно из приведенных примеров, в своих семьях, будь то с родителями или с супругами, героям чаще всего не удается найти общего языка. В то же время, как и в обычной жизни, писатель допускает изменения в отношениях героев друг с другом. Очень показателен в этом смысле пример матери Нью Айго со своей приемной матерью, женой Лао Цао. В романе можно найти такие строки: «Теперь они не могли наговориться друг с другом. Именно потому, что раньше они не находили общего языка, теперь они стали не разлей вода. Независимо от того, на какой срок приезжала Цао Цингэ, на три, пять или десять дней, они всегда засиживались допоздна. Они говорили обо всем на свете. Говорили о девичестве жены Лао Цао и о детях Цао Цингэ, говорили о своих и чужих делах. Если потом кто-то из них о чем-то уже успевал забыть, кто-нибудь рассказывал об этом снова. Так они говорили и говорили, пока не начинали кемарить» [8, с. 316]. Общение по душам происходит между ними и перед самой смертью жены Лао Цао: «Жена Лао Цао лежала в постели, а Цао Цингэ сидела рядом, и этот их разговор длиною в месяц стоил иных разговоров за целую жизнь. Даже за день до кончины мать продолжала разговаривать с дочерью. Когда же она вдруг отключилась, Цао Цингэ стала громко ее окликать: “Мама, вернись, я еще не все тебе рассказала”. Тогда жена Лао Цао очнулась, и они продолжили общаться. Потом она снова отключилась, и Цао Цингэ

принялась, как и прежде, ее окликать. И так повторялось пять раз» [8, с. 317]. Подобным образом под конец своей жизни изменила свое отношение к Нью Айго и его мать. Из всех своих четырех детей именно его она выбрала для своих разговоров по душам. «Вместе с тем Нью Айго вдруг понял, что, делясь воспоминаниями о прошлой жизни пятидесяти-шестидесятилетней давности только с ним, она делала так вовсе не потому, что с ним она находила более общий язык, а потому, что у него, в отличие от остальных, было больше всех проблем, и своими разговорами она просто пыталась его утешить» [8, с. 312].

Прежде чем вывести формулу успешного общения по Лю Чжэньюню, стоит отметить, что иногда герои его романа способны найти общий язык, даже не разговаривая друг с другом. Тот же Нью Айго, чтобы развеять душевную тоску, мог со своими друзьями просто помолчать: «Если тоска накатывала ни с того ни с сего, без определенных причин и высказать ее не получалось, тогда можно было вообще ничего не говорить, а просто или посидеть молча, или поговорить о чем-то другом, и тогда тоже становилось намного легче» [8, с. 211]. Вот как описывается общение Нью Айго с его другом-поваром Чэнь Куйи:

Нью Айго разговаривать не любил, Чэнь Куйи тоже, а поскольку оба они не любили разговаривать, то прекрасно поладили друг с другом... Чэнь Куйи ни на минуту не отрывался от стряпни: он то пек пампушки, то жарил овощи, а Нью Айго просто сидел рядом на скамейке и перебрасывался с ним словами. Наконец и Чэнь Куи переводил дух. Если на кухне оставались свиные уши или сердце, он непременно нарезал их на тарелочку. Не церемонясь, Чэнь Куйи кромсал их на крупные куски, сдабривал кунжутным маслом, и они тут же это съедали. Расправившись с нарезкой, они подмигивали друг другу и, вытирая рты, улыбались. Но свиные уши и сердце имелись не каждый день, когда их не было, друзья просто садились напротив и курили [8, с. 223].

Разобрав достаточное количество примеров, можно смело утверждать, что общий язык между героями Лю Чжэньюня появляется только тогда, когда общаются их души. Ради таких душевных фраз или душевного молчания герои готовы преодолевать любые расстояния, для них это самый эффективный способ преодолеть пустоту и одиночество. Как отмечает писатель, «когда вы что-то говорите своему собеседнику, это лишь повод услышать в ответ что-то еще более задушевное» [5]. Тот, кто не любит разговаривать, не то чтобы совсем не разговаривает, он всего лишь еще не встретил человека, с которым нашел бы этот самый общий язык. Считая «слова» единственной вещью, связывающей людей, герои романа всю жизнь проводят в поиске этих самых слов, испытывая постоянное одиночество. Отвечая на вопрос, какие именно слова ищут люди, писатель в одном из интервью поясняет, что это слова, обладающие силой. К таким относятся простые бесхитростные слова, искренние, правдивые слова, а также душевные, интимные слова. Благодаря таким словам между людьми устанавливается общение, вызывающее глубокие чувства. Здесь же таится ключ к разгадке названия романа. Как отмечает сам Лю Чжэньюнь, «одна душевная фраза превосходит по своей силе тысячи обычных фраз» [9].

Высвечивая в своем романе такую проблему, как культура человеческих отношений, Лю Чжэньюнь на примере самых разных историй показывает, чем измеряется человеческое общение: могут ли слова проникать в душу собеседника, могут ли они дарить тепло, разрешать конфликты либо воодушевлять. В этом смысле в романе всегда в выгодном свете показываются отношения между любовниками.

Интересно отметить, что если супруги общего языка не находят, то у любовников нужные слова льются рекой. Как тут не вспомнить А. П. Чехова с его красноречивым афоризмом: «Если боитесь одиночества, то не женитесь». Разбирая семейные проблемы, Лю Чжэньюнь показывает, что эти проблемы кроются отнюдь не в интимных отношениях, а в общении, и не просто в общении, а в задушевном общении. С этой точки зрения он всегда оправдывает любовников. Жены главных героев, У Сянсян и Пан Лина, завели себе любовников исключительно из-за своего одиночества, не имея возможности найти общий язык со своими мужьями. И если У Моси еще не понимает, как относиться к женщине, то Нью Айго, сам заведя любовницу, постигает, что главное — найти с женщиной общий язык. Приведем конкретные отрывки из романа. Вот как обстоят дела в семье У Моси и У Сянсян:

И ладно бы У Моси молчал только на людях, так он и дома безмолвствовал: и когда заводил вместе с У Сянсян тесто, и когда его разделявал, и когда уже варил пампушки. Даже ночью в постели У Моси тоже действовал молча: заберется сверху и делает свое дело. У Сянсян уж и не знала, плакать ей или смеяться; ей было настолько досадно, что лучше бы он с ней и не спал вовсе [8, с. 160–161].

В противовес такому пассажиру писатель описывает отношения Нью Айго с его любовницей:

Вместе они не только занимались любовью, им было приятно просто пообщаться. Удовольствие им доставлял не столько сам разговор, сколько ощущение близости, ее вкус и атмосфера. Иногда они занимались любовью по три раза за ночь, а после этого, вместо того чтобы спать, продолжали разговаривать. Все, о чем Нью Айго не мог рассказать другим, он запросто мог рассказать Чжан Чухун. Все, что не вспоминалось в компании с другими, в компании с Чжан Чухун вспоминалось легко и непринужденно. При этом степень откровенности между ними была совершенно особой, словно эти двое превратились в одно целое [8, с. 306].

Все персонажи романа жаждут общения. Сестра Нью Айго, полжизни прожившая одна, перед своей свадьбой говорит брату: «Я открою тебе правду. Твоя сестрица выходит замуж не ради замужества, а для того, чтобы было с кем поговорить. Твоей сестре уже сорок два года, и ей до смерти надоело проводить в одиночестве целые дни» [8, с. 328]. Если же герои не находят задушевного собеседника, писатель показывает, чем китайцы восполняют нехватку общения. Как способ избавления от одиночества герои романа постоянно создают вокруг себя шум и оживление. В этом смысле очень показателен отзыв писателя Сюй Цзэчэня, который об этом произведении написал так: «Лю Чжэньюнь создал роман, который переполнен всевозможным шумом и невыносимым гнетущим молчанием одновременно» [10]. Одиноким У Моси поклоняется похоронному крикуну, не в силах пропустить ни одну церемонию прощания с покойником. Его брат испытывает неподдельное наслаждение от так называемых «заливалок» — небылиц, которые складываются из реплик двух партнеров. У других персонажей обнаруживается страсть к китайской опере, игре на трехструнке и т. д. Отдельного упоминания заслуживают ежегодные карнавалы шествия на Праздник фонарей. Но все это меры временные, они не избавляют людей от одиночества, которое перерастает в замкнутость и нелюдимость. Здесь хочется привести отрывок, в котором писатель объясняет не-

которые причины такой замкнутости. В нем, помимо У Моси, описывается хозяин красильни, к которому У Моси устроился подмастерьем:

Второй страстью Лао Цзяна, который не любил общаться с людьми, были обезьяны. Такое увлечение Ян Байшунь (У Моси. — О. Р.) вполне мог понять, ведь сам он тоже не любил общаться с людьми. Однако неприязнь к людям носила у них разный характер. Ян Байшунь не любил общаться с людьми в силу того, что терпел от них обиду, поэтому людей он даже побаивался. А вот Лао Цзяну люди, казалось, уже просто надоели, поэтому он перешел на обезьян [8, с. 102].

Итак, основная проблема всех персонажей романа заключается в том, что им не с кем поговорить по душам. Что касается тех же друзей, то сам Лю Чжэньюнь и на страницах романа, и в интервью не единожды разъяснял, почему с друзьями откровенничать опасно. Причины метаморфоз, которые превращают людей во врагов, весьма тривиальны. Чаще всего это предательство, спровоцированное пьяными речами, враньем либо сплетнями. На это, в частности, указывает китайская исследовательница Чжан Сяоцин. По ее словам, хотя сам автор и не употребляет в своем романе слово «предательство», тем не менее оно явно присутствует в отношениях друзей, родственников, супругов (см. подробнее: [3, с. 46–47]). К примеру, Нью Айго отдалается от одного из своих друзей именно из-за того, что тот превратился в алкоголика: «Пять лет назад взгляд Фэн Вэньсю был чист и прозрачен, а теперь — грязен и мутен... Он легко пьянел и после этого становился совсем не свой... Теперь Нью Айго общался с ним уже не так, как пять лет назад. Разговаривать разговаривал, но душу до конца не выворачивал, потому как боялся, что по пьяни тот все разболтает» [8, с. 217]. Позже из-за пьяных речей самого Нью Айго бывший друг и вовсе превратился во врага: «Раньше Нью Айго напрягало нетрезвое состояние Фэн Вэньсю, но на этот раз тот был трезв как стеклышко, а он, наоборот, пьян. Нью Айго выплеснул на Фэн Вэньсю все, что переполняло тоской его сердце» [8, с. 287–288]. В своих пьяных бреднях он зашел так далеко, что поделился с другом планами убийства сразу нескольких человек. Однако едва подвернулся случай, Фэн Вэньсю распустил сплетни о том, что Нью Айго — настоящий убийца, хотя тот, протрезвев, никого убивать уже не собирался. Может быть, поэтому герои в трудные моменты своей жизни предпочитают свои души изливать незнакомцам. В одной из таких сцен, когда У Моси во всех подробностях изложил свою историю о пропаже приемной дочери, которую увел его новоявленный друг, незнакомый старик, выслушав его, со вздохом сказал: «И вправду говорят, чужая душа — потемки» [8, с. 202].

Среди факторов, которые отдаляют людей друг от друга и порождают чувство одиночества, Чжан Сяоцин, помимо предательства, также называет насилие, бытующее в жизни китайцев, семена которого засеиваются в детстве (см. подробнее: [3, с. 47]). Ненавязчивые зарисовки Лю Чжэньюнем методов воспитания детей в семьях простых китайцев, с неизменными побоями и унижениями, являются прямым тому доказательством. Вот один из таких пассажей:

Когда Лао Ли было восемь лет, он втихаря съел финиковое печенье. Тогда мать схватила железный черпак и так огрела сына по голове, что у того хлынула кровь. Другой бы оправился и забыл про этот случай, а вот Лао Ли с восьми лет носил эту обиду на мать. Его обиду подогревала даже не кровавая рана, а то, что мать, подняв на него руку, вела себя

после этого как ни в чем не бывало и даже отправилась с компанией в уездный город на какое-то представление [8, с. 3].

В результате, уже повзрослев, многие персонажи романа в своих мыслях вынашивают мысли об убийстве. И У Моси, и Нью Айго в уме уже давно истребили ненавистных им родственников и знакомых. Интересно отметить, что на страницах этого романа выражение «убить человека» (杀人) писатель употребляет 62 раза, причем за нож готовы схватиться как мужчины, так и женщины.

Пытаясь разобраться с проблемой одиночества, которая рассматривается на уровне коллективного бессознательного, Лю Чжэньюнь вводит в свой роман такого персонажа, как иностранный миссионер. Образ итальянского священника Лао Чжаня — своего рода ключ, который помогает нам понять суть одиночества по-китайски. В одной из своих статей Лю Чжэньюнь говорит о том, что у простых китайцев наблюдаются три типа отношений с миром: 1) отношения с материальными вещами; 2) отношения с людьми; 3) отношения с самим собой. Но в странах, где сильна религия, есть еще один очень важный тип отношений — отношения с Богом [5]. Основное отличие такого общества от китайского состоит в том, что у людей появляется еще одна возможность с кем-то поговорить. После таких разговоров человек очищается, становится спокойнее, может пересмотреть свои ошибки, покаяться и заново начать свой путь. С Богом возможны исповедь или задушевная беседа, разговоры о бедах и радостях. То, что человек не хочет говорить людям, он может доверить Богу, причем в любое время и в любом месте, поскольку Бог всеведущ. Именно Бог исполняет роль задушевного друга. У китайцев задушевный друг может быть только реальным человеком, а он, в отличие от Бога, не будет держать рот на замке. Как уже было сказано выше, человек-друг может превращаться в человека-врага. В этом смысле в разговорах с Всевышним ложь отсутствует, в то время как с людьми все по-другому.

Возвращаясь к священнику Лао Чжаню, отметим, что он прилагал все усилия для того, чтобы познакомить жителей окрестных деревень с таким задушевым другом, но его игнорировали и воспринимали непонятные отношения с Богом как лишнюю ношу. В одном из интервью, отвечая на вопрос: «В чем состоит основное отличие между современной китайской и западной литературой?» — Лю Чжэньюнь прямо ответил: «Для китайской литературы несвойственна религиозность, которая незаметно, но положительно влияет на литературу Запада. В моем романе под названием “Одно слово стоит тысячи” есть отрывок про итальянского священника и китайского забойщика свиней. В нем как раз и описываются различия в образе жизни и духовном восприятии мира <...> При столкновении столь разных персонажей возникает комический эффект, как если бы мы приделали к лошади свиное рыло» [11, с. 69]. Вот как выглядит вышеупомянутый диалог:

Наставник Ян Байшуня Лао Цзэн раскуривал трубку, Лао Чжань к нему присоединился, попутно пытаясь обратить Лао Цзэна в свою веру. Звонко выбивая свою трубку, Лао Цзэн сопротивлялся:

— К чему мне такая вера, если я с твоим Богом покурить по-человечески не могу?

Лао Чжань, прочистив нос, его убеждал:

— Если уверуешь в Господа, то познаешь, кто ты, откуда пришел и куда направляешься.

— Да я и так знаю, что я — забойщик из деревни Цзэнцзячжуан, а хожу я по разным деревням, чтобы свиней забивать.

Лао Чжань заливался краской и, качая головой, вздыхал:

— Да я не об этом.

Впрочем, поразмыслив, он начинал кивать в знак согласия:

— На самом деле, ты все говоришь правильно.

Создавалось ощущение, что это не он убеждает Лао Цзэна, а Лао Цзэн убеждает его. На какое-то время Лао Чжань замолкал, и они сидели просто так. Потом тот вдруг начал свою обработку по новой:

— Но ведь ты же не можешь сказать, что все у тебя на душе гладко.

Этой фразой он попадал в точку. На тот момент Лао Цзэн как раз мучился вопросом, стоит ли ему снова жениться и как этот вопрос утрясти с женитьбой сыновей.

— У каждого есть свои горести, — отвечал он.

Лао Чжань, хлопнув в ладони, нетерпеливо вопрошал:

— Так к кому же, как не к Богу, обращаться с горестями?

— И как он мне поможет? — спрашивал в ответ Лао Цзэн.

— Бог сразу укажет тебе, что ты — грешник.

Лао Цзэн тут же возмущался:

— Что это еще значит? Он меня в глаза не видел и уже заклеил!

Разговор не клеился, они снова погружались в молчание. Вдруг Лао Чжань сделал очередную попытку заговорить:

— Отец Господа тоже был из мастеровых, он плотничал.

На что Лао Цзэн, теряя терпение, отвечал:

— Разные ремесла разделены горами. Не верю я сыну плотника [8, с. 94–95].

В какой-то момент своей жизни (и то лишь на время) учеником Лао Чжаня становится главный герой романа, У Моси. Попутно заметим, что именем Моси, которое является китайской транслитерацией библейского имени Моисей, его окрестил именно священник Лао Чжань. Но, как У Моси ни старался, христианские истины он постичь не мог ни умом, ни сердцем: «Когда У Моси был учеником у священника Лао Чжаня, тот часто говорил с ним о Боге, но большую часть этих проповедей У Моси не понимал. Он лишь чувствовал, что постичь Бога для него слишком сложно» [8, с. 200–201]. В то же самое время стоит отметить, что среди всего окружения У Моси именно миссионер Лао Чжань оставался для него образцом порядочности и честности. Хозяин артели Лао Лу, не принимая веры Лао Чжаня, также ценит его весьма высоко: «Честный и простодушный Лао Чжань, который за сорок с лишним лет набрал всего восемь прихожан и при этом упорно продолжал ходить по деревням со своими проповедями, восхищал Лао Лу. Другого такого упорного человека в Яньцзине было не сыскать. Независимо от рода занятий, здесь девять с половиной из десяти человек стремились лишь к выгоде, а если таковой перспективы не имелось, людей словно ветром сдувало» [8, с. 114]. Но слишком уж глубокую пропасть обозначает писатель между западной и восточной культурами, поэтому герои романа по большей части все-таки игнорируют священника. Как подтверждение находим в романе такие строки: «Поскольку никто из яньцзиньцев не верил в Господа Бога, то никто никогда не озадачивал священника Лао Чжаня, это только Лао Чжань приставал ко всем со своей верой» [8, с. 113].

На первый взгляд сам Лао Чжань не выглядит одиноким, нелюдимым или озлобленным. Иной раз у читателя действительно создается впечатление, что его

религия действительно являлась для него спасением от этих бед. В предисловии редактора к роману «Одно слово стоит тысячи» также говорится о том, что представители западной культуры, привыкшие к ежедневным диалогам с Богом, чувствуют себя гораздо счастливее и непринужденнее (см. подробнее: [2, б. с.]). Вместе с тем профессор Аньхойского университета Ван Ян делится другими наблюдениями. По его мнению, даже такой набожный и верующий человек, как Лао Чжань, всю свою жизнь не столько культивировал в себе терпение, сколько взращивал ненависть. Доказательством этому, по мнению исследователя, служит загадочная надпись священника на чертеже церкви, которая звучит как «послание дьявола», подразумевающая выпавшие на долю священника горести. Тут же Ван Ян задается риторическим вопросом: «Разве есть люди, которым в течение десятков лет под силу вынести отчуждение?» [12, с. 147].

Автор монографии «Этнопсихология китайцев» Н. А. Спешнев отмечает у китайцев среди прочих характеристик предельный уровень реального сознания: «Именно поэтому у них нет представления об абстрактном идеале и они нерелигиозны» [7, с. 39]. Такое наблюдение подтверждают сами китайцы. Весьма подробно вопрос об отношении китайцев к религии рассматривается в известной книге ученого и литератора Линь Юйтана «Китайцы: моя страна и мой народ». В ней в разделе «Идеалы жизни» можно найти такие строки: «Когда у нашего великого гуманиста Конфуция спросили, как он относится в проблеме смерти, он ответил известной фразой: “Не зная, что такое жизнь, можно ли знать, что такое смерть?” <...> Поэтому истинному китайцу стать христианином нелегко» [13, с. 106]. По словам Линь Юйтана, «китайцы твердо знают, что истинный смысл жизни состоит в простых радостях жизни как таковой, прежде всего в радостях семейной жизни, в достижении гармоничных отношений с обществом» [13, с. 105].

Возвращаясь к роману Лю Чжэньюня, персонажи которого пребывают в постоянном поиске истинного общения по душам, хочется отметить, что он полон размышлений о месте библейских и конфуцианских догм в жизни людей. Это же отмечает и Ань Бошунь, отмечая, что эта книга «заставляет нас бродить между истинами, изложенными в Библии и в “Луньюе”» [2, б. с.]. Можно сказать, что для персонажей романа своеобразной «Библией» становятся фразы, которые они по крупицам ищут и постигают в обычной жизни. Как метко заметил китайский критик Ма Юньхэ, «в отличие от иностранцев, которые носят на шеях крестики, китайцы носят на своих шеях не религиозные, а языковые кресты» [14, с. 102].

Важной особенностью романа, на которую указывает сам автор, является то, что душевные терзания, обычно свойственные интеллигентам, здесь присущи простому люду. То же самое отмечает и китайская критика. В частности, по словам известного литературоведа Лэй Да, описанное в романе Лю Чжэньюня «чувство одиночества, присущее китайским крестьянам, столь скрупулезно, похоже, еще не рассматривалось в литературе» (цит. по: [3, с. 46]). Мир героев романа «Одно слово стоит тысячи» по большей части представлен самыми обычными ремесленниками и земледельцами, среди которых продавцы доуфу, цирюльники, мясники, лудильщики, холостильщики, гадатели, леденечники, чаоторговцы, крикуны на похоронах и т. д. Это несложно объяснить. Несмотря на то что Лю Чжэньюнь живет в Пекине, он родился в китайской глубинке в простой семье, да и сейчас часто бывает у себя в родных краях, в том самом уезде Яньцинь провинции Хэнань, с которым

мы знакомимся на страницах его романа. По нашим подсчетам, не считая нескольких десятков городов и крупных поселков, в романе упоминаются названия сорока деревушек. Писатель, будучи выходцем одной из таких деревушек, часто общается с простым народом, который является источником его вдохновения. Как замечает писатель, «фраза деревенского жителя, для меня может быть важнее десяти лет учебы в Пекине» [9].

Лю Чжэньюнь уверен, что высокая духовная организация присуща людям любого статуса, даже самого низкого. Он восхищается мудростью и знанием жизни простого народа, противопоставляя ему «знающих» интеллигентов. По его мнению, духовные поиски, во-первых, не зависят от статуса, а во-вторых, не зависят от исторических потрясений. Здесь писатель вспоминает такие яркие произведения о духовных исканиях, как «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Любовь во время чумы» Г. Гарсиа Маркеса, «Меня зовут Красный» О. Памука, «Хазарский словарь» М. Павича [9]. Гораздо чаще, говорит писатель, духовные поиски сопровождают человека в повседневной жизни, во время торговли, занятия каким-то ремеслом. Таким образом, Лю Чжэньюнь проводит мысль о том, что душевные метания и тяга к душевному контакту не есть прерогатива интеллигентов. Здесь стоит заметить, что в современной китайской литературе (за исключением литературы пролетарского и социалистического реализма), начиная с ее родоначальника Лу Синя, сложилась определенная традиция создания образа маленького человека. Китайские писатели привыкли писать о невежестве и темноте простого люда, взирая на него пусть и с сочувствием, но свысока. В этом смысле Лю Чжэньюнь, лишенный всякого высокомерия, во всех своих героях видит задушевных друзей. Вот как об этом говорит сам писатель: «Это важнейший принцип моего творчества, вот уже многие годы в процессе написания произведений я нахожу тех верных друзей, которых сложно найти в реальной жизни» [15].

Роман «Одно слово стоит тысячи», в котором Лю Чжэньюнь подробно описывает мысли и чувства маленьких людей, желающих найти душевную опору и успокоение, имеет ярко выраженную китайскую специфику: в нем много персонажей, в манере повествования ощущается влияние традиционной повествовательной литературы, весьма выражен этнокультурный фон. Известный литературовед, профессор Пекинского университета Чжан Иу, в частности, отметил, что «в жизни и судьбе маленького человека, изображенном Лю Чжэньюнем, можно проследить вековую историю всего Китая» [4, с. 47]. По словам другого известного критика Ли Цзинцзэ, это «книга, в которой описание китайцев изложено в исчерпывающем первозданном виде» (цит. по: [1]).

Несмотря на то что книга пропитана чувством безысходного одиночества и невыразимой тоски, в природе человека все-таки заложено стремление к счастью и спасение от горестей. Герои романа не прекращают поиски своего китайского счастья, мечтая найти с людьми общий язык и уйти от одиночества. В этом мы видим уже не специфическую китайскую черту, а проявление общечеловеческих ценностей и высокий гуманистический пафос романа. Мы полностью согласны с английской исследовательницей Джулией Ловелл, которая считает, что это «на удивление полезная и гуманная книга» [16, р. 20]. Можно утверждать, что проблема одиночества получила в романе «Одно слово стоит тысячи» всестороннее освещение, носит стержневой и сюжетообразующий характер. Внимание писателя к этому

вопросу не только обусловлено его личным интересом, но и является развитием темы, с древности присутствовавшей в китайской литературе и по-новому зазвучавшей в конце XX — начале XXI в., когда жизнь китайцев стала приобретать новые смыслы и измерения.

Литература

1. Liu Zhenyun: pengyoujian zhixinhua hen xiongxian [Лю Чжэньюнь: «Разговоры по душам с друзьями весьма опасны»]. URL: <http://book.sina.com.cn/news/c/2009-03-30/1501253224.shtml> (дата обращения: 08.07.2017).
2. *An Boshun*. Bianzhe jianyan — yiju shengguo qian nian [Рекомендация редактора — одно слово на тысячу лет] // Liu Zhenyun. Yi ju ding yi wan ju [Одно слово стоит тысячи]. Wuhan: Changjiang wenyi chubanshe, 2013. n.p.
3. *Zhang Xiaoqin*. Qian nian gudu Zhongguo jingyan: lun “Yi ju ding yi wan ju” [Китайский опыт тысячи лет одиночества: о романе «Одно слово стоит тысячи»] // Zhongguo xiandai wenxue yanjiu congkan [Исследование современной китайской литературы]. 2013. № 2. С. 45–52.
4. *Zhang Yiwu*. Shuxie shengming he yuanyanzhongde “Zhongguo meng” [Описание жизни и сокрытая в языке «китайская мечта»] // Wenyi zhenming [Литературные дискуссии]. 2009. № 8. С. 47–48.
5. Liu Zhenyun: wodehua he Lin Biao yisi butong [Лю Чжэньюнь: «Я имел в виду не то, о чем говорил Линь Бяо»]. URL: <http://book.sina.com.cn/news/c/2009-03-16/1609252472.shtml> (дата обращения: 08.07.2017).
6. *Ma Xueyong*. Zai yuanyanzhong cunzaide guduren: lun Liu Zhenyun “Yi ju ding yi wan ju” de yuyan yishu [Одинокий человек, живущий среди слов: о языковом искусстве в романе Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи»] // Shidai wenxue [Литература эпохи]. 2012. № 11. С. 212–216.
7. *Спешнев Н. А.* Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2011. 336 с.
8. Liu Zhenyun. Yi ju ding yi wan ju [Одно слово стоит тысячи]. Wuhan: Changjiang wenyi chubanshe, 2013. 362 с.
9. Liu Zhenyun: “sharenfan” ruhe xunzhao zhixinhua [Лю Чжэньюнь: «Как убийцы ищут задушевные слова»]. URL: <http://book.sina.com.cn/news/c/2009-03-19/1359252679.shtml> (дата обращения: 08.07.2017).
10. Liu Zhenyun “Yi ju ding yi wan ju” “lixin” xinzuoyin reyi [Горячие споры, вызванные новым «ударным» романом Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи»]. URL: <http://book.sina.com.cn/news/c/2009-06-03/1154256669.shtml> (дата обращения: 08.07.2017).
11. «Хвались, да не поперхнись»: интервью с писателем Лю Чжэньюнем // Институт Конфуция. 2012. № 4 (13). С. 68–70.
12. *Wang Yang*. Women hai neng zenme “shuo”? Liu Zhenyun “Yi ju ding yi wan ju” duzha [Как мы еще можем «говорить»? Мысли после прочтения романа Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи»] // Xiaoshuo ringlun [Критика художественной прозы]. 2010. № 4. С. 144–147.
13. *Линь Юйтан*. Китайцы: моя страна и мой народ / пер. с кит. и предисл. Н. А. Спешнева. М.: Восточная литература, 2010. 336 с.
14. *Ma Yunhe*. Xiaojie gudude liangzhong fangshi: qianxi Liu Zhenyun de “Yi ju ding yi wan ju” [Два способа избавления от одиночества: краткий анализ романа Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи»] // Dangdai wentan [Новейшая литература]. 2010. № 6. С. 102–104.
15. Zhongguoban Bainian gudu — “Yi ju ding yi wan ju” Liu Zhenyun zhu [Китайский вариант «Ста лет одиночества» — «Одно слово стоит тысячи» Лю Чжэньюня]. URL: <http://book.sina.com.cn/news/c/2009-03-18/1033252584.shtml> (дата обращения: 08.07.2017).
16. *Lovell J.* Finding a Place: Mainland Chinese Fiction in the 2000s // The Journal of Asian Studies. 2012. Vol. 71. No. 1. P. 7–32.

Статья поступила в редакцию 13 июля 2017 г.
Статья рекомендована в печать 6 декабря 2017 г.

Контактная информация:

Родионова Оксана Петровна — канд. филол. наук; o.rodionova@spbu.ru

Loneliness in Liu Zhenyun's Novel "One Sentence Is Worth Ten Thousand"

O. P. Rodionova

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Rodionova O.P. Loneliness in Liu Zhenyun's Novel "One Sentence Is Worth Ten Thousand". *Vestnik SPbSU. Asian and African Studies*, 2018, vol. 10, issue 1, pp. 75–91. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu13.2018.107>

The paper considers the subject of communication and loneliness raised in the novel "One Sentence Is Worth Ten Thousand" (2009) by Chinese writer Liu Zhenyun (b. 1958). In this novel, Liu Zhenyun describes in detail the feelings of common people who are in the endless search for emotional support. The text of the novel allows to determine the specific traits of Chinese loneliness related to cultural and ethno-psychological characteristics of the Chinese nation. We believe that the problem of loneliness has here received comprehensive coverage and is pivotal for the plot of the novel. The writer's attention to this issue is not only due to his personal interest, but is also a development of the theme, which has been existing in Chinese literature since ancient times and has got a new sounding at the end of 20th and beginning of the 21st century.

Keywords: Liu Zhenyun, *One Sentence Is Worth Ten Thousand*, loneliness.

References

1. *Liu Zhenyun: Informal Conversation With Friends is Very Dangerous*. Available at: <http://book.sina.com.cn/news/c/2009-03-30/1501253224.shtml> (accessed: 08.07.2017). (In Chinese)
2. An Boshun. Editor's Recommendation — One Word for a Thousand years. *Liu Zhenyun. One Sentence Is Worth Ten Thousand*. Wuhan: Changjiang wenyi chubanshe, 2013, n.p. (In Chinese)
3. Zhang Xiaoqin. Chinese Experience of the Thousands Years of Solitude: About the Novel "One Sentence Is Worth Ten Thousand". *Research of Modern Chinese Literature*, 2013, no. 2, pp. 45–52. (In Chinese)
4. Zhang Yiwu. Description of Life and the Hidden Language of the "Chinese Dream". *Literary Discussions*, 2009, no. 8, pp. 47–48. (In Chinese)
5. *Liu Zhenyun: I Meant not what Lin Biao Was Talking About*. Available at: <http://book.sina.com.cn/news/c/2009-03-16/1609252472.shtml> (accessed: 08.07.2017). (In Chinese)
6. Ma Xueyong. Lonely Man is Living among the Words: On Language Art of Liu Zhenyun's Novel "One Sentence Is Worth Ten Thousand". *Literature of the Epoch*, 2012, no. 11, pp. 212–216. (In Chinese)
7. Speshnev N. A. *Chinese: Peculiarities of the National Psychology*. St. Petersburg, KARO, 2011, 336 p.
8. Liu Zhenyun. *One Sentence Is Worth Ten Thousand*. Wuhan, Changjiang wenyi chubanshe, 2013, 362 p. (In Chinese)
9. *Liu Zhenyun: How Killer Looks for Sympathetic Words*. Available at: <http://book.sina.com.cn/news/c/2009-03-19/1359252679.shtml> (accessed: 08.07.2017). (In Chinese)
10. *Liu Zhenyun's New "Striking" Novel "One Sentence Is Worth Ten Thousand" has Incurred Heated Debate*. Available at: <http://book.sina.com.cn/news/c/2009-06-03/1154256669.shtml> (accessed: 08.07.2017). (In Chinese)
11. "Boast, but Do not Choke": interview with writer Liu Zhenyun. *Confucius Institute Bimonthly (Russian-Chinese Edition)*, 2012, no. 4 (13), pp. 68–70.
12. Wang Yang. How We Can still "talk"? Thoughts After Reading Liu Zhenyun's Novel "One Sentence Is Worth Ten Thousand". *Prose Critique*, 2010, no. 4, pp. 144–147. (In Chinese)
13. Lin Yutang. *Chinese: My Country and My People*. Transl. and foreword by N. A. Speshnev. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2010, 336 p.
14. Ma Yunhe. Two Ways of Getting Rid of Loneliness: a Brief Analysis of the Liu Zhenyun's Novel "One Sentence Is Worth Ten Thousand". *Latest Literature*, 2010, no. 6, pp. 102–104. (In Chinese)
15. *Chinese Version of "One Hundred Years of Solitude" — "One Sentence Is Worth Ten Thousand" by Liu Zhenyun*. Available at: <http://book.sina.com.cn/news/c/2009-03-18/1033252584.shtml> (accessed: 08.07.2017). (In Chinese)
16. Lovell J. Finding a Place: Mainland Chinese Fiction in the 2000s. *The Journal of Asian Studies*, 2012, vol. 71, no. 1, pp. 7–32.

Author's information:

Rodionova Oxana P. — PhD; o.rodionova@spbu.ru